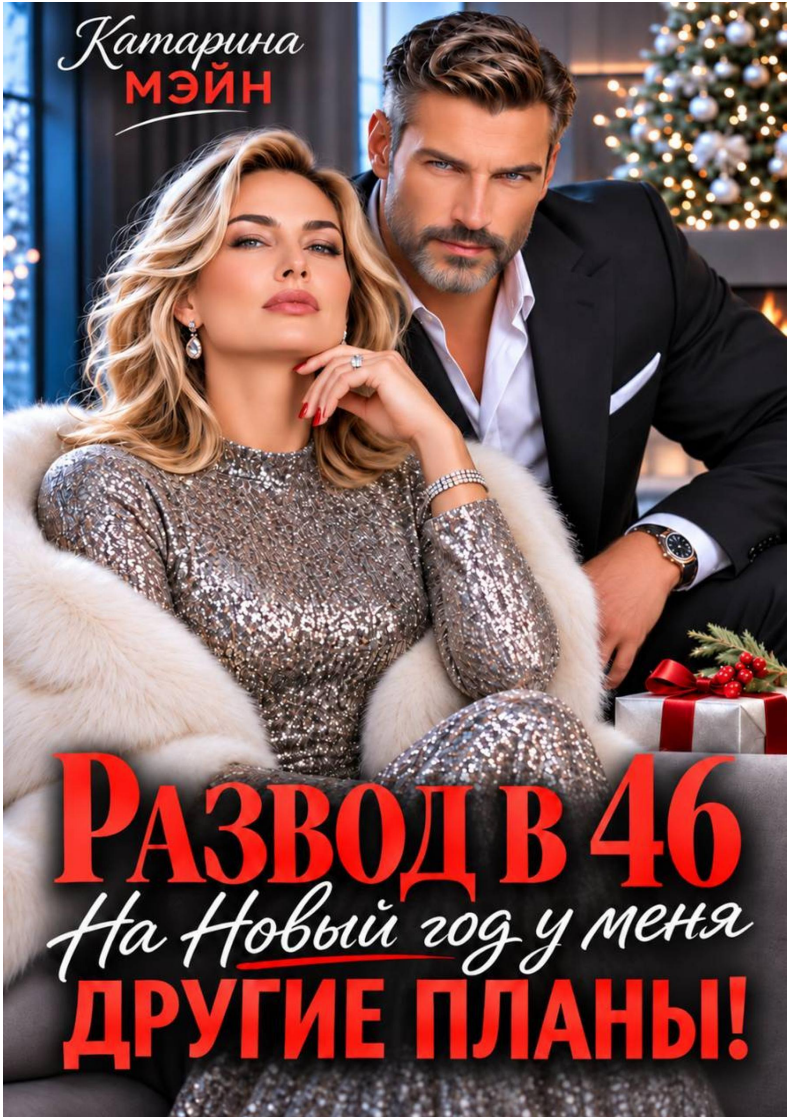
Катарина
МЭЙН
Развод в 46
На Новый год у меня
ДРУГИЕ ПЛАНЫ!

Катарина Мэйн
Развод в 46. На Новый год у меня другие планы

https://litres.ru/74957357
SelfPub; 2026

Аннотация

Мне звонит женщина, к которой ушёл мой муж. С октября я его не видела, а он уже зовёт её отца к нам домой на тридцать первое декабря. Оказывается, Виталий занял у него пятьсот сорок тысяч якобы на моё лечение. Теперь хочет, чтобы я села рядом и сказала, как сильно мне помогли эти деньги.

Виталий за двадцать два года привык, что я умею выручать. Я и сейчас знаю, что можно сказать, чтобы за столом всем стало полегче. Только в этот раз я собираюсь сказать правду.

А вечером меня ждёт Тарас. Мы познакомились в мастерской, когда я приехала из-за грохота под сиденьем. Он нашёл мой скребок, поменял лампу и позвал поужинать. Теперь предлагает встретиться на площади после девяти. Я попросила за мной не заезжать. Хочу прийти сама.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	45
Глава 8	50
Глава 9	57
Глава 10	63
Г	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Катарина Мэйн
Развод в 46. На Новый год у меня другие планы

Глава 1

Когда я прихожу за машиной, Тарас Осокин сидит в ней на пассажирском месте. На коленях у него лежит мой скребок для стёкол. С другой стороны к машине прислонился парень из мастерской и по его знаку открывает водительскую дверь.

— Ещё раз, — говорит Тарас.

Парень закрывает дверь. Тарас нажимает скребком на край коврика под водительским сиденьем. Снизу коротко звякает.

— Если там что-нибудь ещё отвалится, я машину не заберу.

Осокин тянет за край коврика, потом высовывается из салона и протягивает мне скребок ручкой вперёд.

— Он у вас застрял в салазках сиденья. Сядьте, покажу где.

— Мне за руль?

— Вам, Лунёва. Я эту машину уже всю излазил.

Мне нравится, как он говорит мою фамилию. Я это заметила ещё позавчера, когда приехала записаться на осмотр и он за стойкой искал подходящее время. В накладных на работе я расписываюсь одной и той же закорючкой уже больше двадцати лет. А ему я тогда фамилию повторила дважды, хотя он с первого раза расслышал.

Парень отступает. Я сажусь, провожу каблуком под сиде-

ньем и нахожу салазки. Скребок, видно, свалился, когда я вытаскивала задний коврик. На кочках его сдвигало, и он бил по металлу.

— Говорила же, что внутри, — бормочу я.

— В заявке написано: «Грохот снизу, наверняка отвалится что-нибудь дорогое».

— Это я про свою жизнь вообще. Вы зачем всё записали?

Парень у двери фыркает и сразу уходит, подбирая с верстака перчатки. Тарас смотрит ему вслед, потом прикрывает пассажирскую дверь. В машине становится тише. От него слегка пахнет мылом. На рукаве куртки возле запястья тёмная полоса, которую он замечает одновременно со мной и трёт большим пальцем.

— Больше ничего не нашли. Лампу поменяли, незамерзайку долили. Вам далеко на ней ехать?

— Туда и обратно чуть больше четырёхсот.

— А раньше туда ездили?

— Только пассажиром.

— Если после поворота с трассы начнётся снег, держитесь правой полосы. Там развязку доделывают, знаки поставили, а разметка под снегом.

— Я там, может, ещё и разворачиваться буду, — говорю я. — Меня зовут цех принимать. Надо сначала посмотреть, что они там напринимали до меня.

Тарас поворачивается ко мне и спрашивает, до какого времени меня будут ждать. Я называю одиннадцать, хотя мы по-

ка даже день толком не поставили. Просто у меня, пока читала письмо, в голове уже было это одиннадцать. Часа два доехать, ещё двадцать минут найти вход и успеть перестать думать, что меня позвали зря.

— Тогда выезжайте с запасом. Там у развязки есть карман. Если намело, можно встать, позвонить и сказать, что опаздываете.

Я чуть не отвечаю, что на первое знакомство не опаздывают. Он разворачивает на колене заказ-наряд. Внизу, где стояла подпись, почему-то два раза написали мою фамилию. В первый раз не с той буквой, сверху исправили.

— А вы сами звонили бы? — спрашиваю я.

— Если бы меня звали туда работать, звонил бы. Пускай знают, что мне ещё надо до них доехать.

Он говорит это до того обыкновенно, что я и правда могу представить, как звоню. Не из машины на ходу, не пока ищу ворота, а просто заранее. Тарас складывает бумагу и убирает обратно в карман куртки.

Я всё ещё не уверена, что соглашусь. Предложение возглавить новый цех у меня уже неделю висит во входящих. Срок ответа пока не горит. Я съезжу, посмотрю площадку, выслушаю людей. Может, приеду обратно и тут же начну ворчать, что никто в нашем цехе за полдня без меня так и не догадался надеть защитные уголки на стопы бумаги. Но вчера я впервые рассчитала, сколько буду тратить в месяц, если найду жильё в соседнем городе. Считала долго. Знала, кто рань-

ше сидел бы рядом и какие именно расходы он принялся бы вычёркивать первым.

Тарас вытягивает ноги из машины. Я подаю ему скребок и тянусь за сумкой, оставленной у ручника. Он убирает скребок в карман за передним сиденьем.

— Вам куда сейчас? — спрашивает он.

— Домой. Я сегодня отпустила смену пораньше. Полмесяца цех работал в две смены. Пусть хоть перед Новым годом дома засветло побудут.

— А вы?

Я поднимаюсь из-за руля. Он обходит капот и останавливается у стойки подъёмника. Он ждёт ответа, хотя я уже собралась закрыть дверь.

— А я уже забыла, когда последний раз уходила раньше всех.

— Хорошо. Завтра в семь поужинаете со мной?

Я берусь за дверь и чуть не захлопываю её, хотя ключи ещё у него. За въездными воротами слышно, как проезжает грузовик и колёса разбрасывают снег по металлическому отбойнику. Тарас остаётся у машины и ждёт, пока я на него посмотрю.

— У вас всем клиенткам включают это в стоимость?

— Вам выставят счёт за лампу.

Я смеюсь, и он улыбается. Я ещё толком не разглядела эту улыбку. В прошлый раз, когда я обозвала его ручку для подписи одноразовой и достала свою, у него только дёрнулся

угол рта.

— Всё-таки завтра в семь, — говорит он. — Могу встретить в городе. Мне из мастерской двадцать минут.

— А что вы сделаете, если я скажу, что уже обещала кое-кому провести с ним вечер?

— Пожелаю ему заболеть насморком.

— Вы ужасный человек.

— И всё-таки попробую. Когда ещё вас поймаешь после работы засветло?

Я снова смотрю на него. Глаза у Тараса серые, с чуть более тёмным ободком по краю. На висках короткие волосы примяты, он носит шапку, а в помещении снимает. Мне сорок шесть, я умею смотреть людям в лицо, даже когда они прямо у станка обещают, что платить по счетам не будут. А теперь чуть не отвожу глаза только потому, что слишком долго разглядывала его волосы. Всё-таки смотрю, пока он не улыбнётся.

— Давайте завтра в семь.

— Я напишу, куда.

Он сам относит ключи к стойке, а я иду за ним. У мойки двое мужчин подпирают плечами проём и обсуждают, кому завтра ехать за ёлкой для отца одного из них. На двери в комнату мастеров наклеена бумажка «После шести тридцать первого звоните только если мы вам должны». Лента отошла, и слово «должны» загнулось внутрь.

У стойки Тарас здоровается с пожилым мужчиной, тот

приезжает сюда уже третью зиму и сегодня привёз какую-то банку. Мужчина ставит её возле терминала, говорит, что крышка липнет и брать надо снизу. Тарас переносит банку за стойку и, пока я прикладываю карту, говорит парню за компьютером:

— Утром, прежде чем менять ему аккумулятор, позови меня. Надо найти, почему опять сел.

— Вы завтра с утра здесь? — спрашиваю я.

Тарас оборачивается.

— А в семь буду там, где обещал.

Домой еду по объездной. На светофоре у машины впереди заднего стекла почти не видно из-за ёлки на крыше. Телефон вздрагивает в подстаканнике. Смотрю сообщение, только когда паркуюсь у дома. Тарас прислал адрес и приписал: «Бронь на Лунёву».

Я перечитываю, прежде чем заглушить двигатель.

В квартире темно. На кухне я зажигаю свет и первым делом снимаю с холодильника старый календарь. Убираю его с ноября уже третий раз. Выкидывать жалко: в сентябре на полях Виталий записал, сколько надо купить лампочек в коридор, и нарисовал одну, с патроном и расходящимися штрихами. Меня тогда здорово смешило, что он загораживал рисунок ладонью, пока не дорисовал все лучи. Мы жили вдвоём так долго, что смешное иной раз начиналось с того, как один из нас встаёт и идёт за карандашом.

Я сгибаю календарь пополам, чтобы уместился в ведро,

и стряхиваю с полотна магнит. Тот съезжает у меня между пальцами. Звенит по плитке, закатывается под холодильник. Пусть лежит.

Куртку вешаю на крючок в прихожей. Там до сих пор пустует нижняя деревянная полка. Виталий бросал туда ключи от машины и мелочь. Я пробовала поставить корзинку для перчаток, но она всякий раз мешала открыть дверцу шкафа, и я отнесла её на подоконник. Вот какие у меня большие перемены к концу декабря. Корзинка на окне, мужчина с бронью на мою фамилию, документы о разводе в нижнем ящике письменного стола.

Я отстёгиваю серьги над комодом. Вторую цепляю ногтем за ворот, и в этот момент в дальней комнате звонит телефон. Решаю, что Тарас всё-таки передумал насчёт места. Пока добираюсь до кухни, серьга остаётся у меня в пальцах, а номер на экране я узнаю по последним четырём цифрам.

Я не сохраняла Аглаю. Полгода назад у неё был день рождения, Виталий прислал её номер и просил поздравить от нас двоих. Я написала «счастья» и добавила цветок. Теперь последние четыре цифры могу прочесть задом наперёд.

Даю ей прозвонить ещё три раза. Потом беру трубку.

— Эвелина?

— Да.

Она дышит прямо в микрофон. В первый раз, когда я слышала её голос, меня поразило, какой он низкий. Я по какой-то глупой причине ждала писклявого. Стояла на лестни-

це у открытой двери и смотрела, как Виталий выносит мой самый большой чемодан со своими вещами. Она спросила снизу, держать ли ей дверь. Он сказал: «Я и так пройду».

— Он сказал, что вернулся к вам. Когда? — спрашивает Аглая.

Я кладу серьгу на стол. Она ударяется о стеклянную подставку, и в трубке Аглая переспрашивает: «Эвелина?»

— Я его с октября не видела.

На том конце тихо. Я успеваю подумать, что полегчало бы, повесь она трубку прямо сейчас. А ещё я хочу спросить, сколько времени она знала, куда он повезёт тот чемодан, прежде чем узнала я.

— Тогда почему он просил меня тридцать первого привести отца к вам домой?

Глава 2

— Куда привести? — переспрашиваю я.

Аглая не отвечает. Я слышу, как она переставляет телефон и что-то щёлкает у неё возле уха. Меня тянет всё-таки спросить, в каком она сейчас месте и почему шепчет. С какой стати мне должно быть это интересно?

— К вам домой, на Лесную, двадцать восемь. Это он мне адрес прислал.

— Каким образом?

— Подъезд на карте. У вас там сбоку красная дверь, где мастерская была.

Мастерская закрылась два года назад. Дверь с улицы так и осталась. Виталий каждый раз через неё пытался пройти, когда разгружал тяжёлые коробки из машины. Ему казалось, что если на двери есть ручка, то можно один раз найти человека с ключом и впредь ходить как удобно.

Выхожу в прихожую и смотрю на нижний замок. Цилиндр поменяла в ноябре. Своим ключом Виталий теперь не откроет, даже если Аглая и её отец приедут раньше меня.

— Вы приезжали? — спрашиваю я.

— Нет.

— Тогда скажите, что вам нужно от меня. Я уже ответила, что он тут не живёт.

— Он написал, что в квартиру вернулся. Я ему перезво-

нила, он скинул. Вы же понимаете, о чём я спрашиваю?

— Вы хотите знать, кому он врёт в этот раз.

Голос у меня ровный. Только телефон так вдавился в ухо, что я отнимаю его, чтобы не было больно. Аглая выдыхает так громко, что я всё равно слышу.

— Мне бы хотелось знать, когда вы с ним разговаривали в последний раз.

В ноябре Виталий прислал сообщение про ящик с инструментами, который оставил на балконе. Я отдала ящик через общего знакомого вместе с домкратом и зимними ботинками. Домкрат он купил мне. Я вспомнила об этом, когда за знакомым закрылась дверь. На работе в тот день я искала накладную, которую уже держала перед собой, и даже два раза спросила, кто унёс её со стола. Виталий всегда говорил, что я очень внимательная, когда мне больше нечем заняться.

— Разговаривали, когда он съезжал, — отвечаю я. — Вам достаточно?

— Он говорил, что вы обо всём договорились ещё летом.

Вот сейчас я действительно вижу её перед собой. Не внизу на лестнице, где она стояла, отступив к батарее, чтобы Виталий мог вынести чемодан. Вижу дома, за столом, где мужчина, которого она ждёт, рассказывает, что дело с женой улажено. Я и сама много раз слушала его за столом. Например, когда он уверял, что с заказчиком всё улажено, и на следующий день мне звонила бухгалтерша узнать, будет ли он платить ей за август.

— Мы договорились только об одном, — говорю я. — Я подаю на развод. Это было в октябре. Можете спросить, как прошёл разговор. Интересно, что он вам ответит.

— Я знаю, что вы подали.

Мне хочется спросить, откуда. Я Виталию сказала в прихожей. Потом ещё раз, уже по телефону, когда он решил, что мы просто поживём отдельно. Больше не помню, чтобы я объяснялась с ним про развод. Собрала бумаги в папку, взяла на работе отгул, подала. Мастеру сказала, что у меня запись. Он долго искал, кто сможет за меня взять пробу, а потом позвонил сам и сообщил, что всё уже сделано. Даже ни разу не спросил, куда мне нужно.

— Он вам сказал, когда я подала? — всё-таки спрашиваю.

— Нет. Сказал, что так будет проще. Я думала, он и вам так сказал.

Эту фразу я столько раз могла бы произнести про что-нибудь совсем другое. Про счёт из магазина, про новую машину, про поездку, на которую уже заказали билеты и осталось только меня предупредить.

— Нет, — говорю я. — Мне он сказал, что торопиться незачем.

Я сильнее сжимаю в пальцах серьгу. Аглая наконец перестаёт спрашивать про развод.

Мне хочется повесить трубку. Надо снять с себя воротник, который давит на шею, разогреть ужин и наконец посмотреть, куда позвал Тарас. Он, наверно, уже заказал столик у

окна. Люди будут заснеженные, шумные. Я надену жакет с узкими рукавами, у меня в нём сразу расправляются плечи.

Вместо этого спрашиваю:

— В какое время он вас пригласил?

— Около пяти.

— И что мы с вашим отцом должны обсуждать?

— Он сказал, что папе будет спокойнее поговорить при вас. Это их дело. Я собиралась только довезти его, а теперь не могу дозвониться Виталию.

— Он вам ещё что-нибудь обещал от моего имени?

— Он сказал, что вы в курсе.

Голос у неё по-прежнему негромкий. Будто если мы обе будем говорить тихо, можно продержаться ещё минут десять и никто из соседей ничего не узнает.

Катаю серьгу между пальцами. Виталий подарил её в тот год, когда мы копили на машину. Сначала был жёлтый скребок в коробке из-под туфель. Виталий говорил, что машину надо подбирать под цвет скребка. В сервисе Тарас сегодня полез под сиденье именно за ним.

— Аглая, приезжать ко мне не надо. Предупредите отца.

— А если Виталий приедет и будет ждать нас у вас?

— Пусть позвонит. Ключ у него уже не подходит.

Она замолкает. За этой паузой у меня успевает ослабнуть рука. Прижимаю серьгу к ладони, теперь застёжка мешает сжать пальцы.

— Я у него спросила, может ли он приехать хотя бы зав-

тра, — говорит Аглая. — Хотела забрать у него одну вещь папы. Он мне сказал, что у вас после клиники всё снова пошло наперекосяк. Я больше не стала спрашивать.

— После какой клиники?

— Я не знаю. Он же сказал, что это ваше дело.

Смотрю на чёрное окно. В стекле видно, как немного оттопыривается справа воротник моей блузки. Я забыла расправить его, когда натягивала куртку в сервисе. Тарас видел меня именно такой и сказал: семь часов.

— А вы всё равно решили позвонить мне.

— Я думала, он соврал про квартиру. Я ещё не понимала, зачем. А вы сейчас даже не спросили, откуда у меня ваш номер.

Я слышу в этом маленькую попытку уколоть меня и неожиданно радуюсь. Если она может злиться, значит, она знает больше, чем говорит. Будет проще, если мы перестанем изображать двух женщин, которые случайно встретились в магазине и вот-вот вежливо разойдутся.

— От Виталия, я полагаю.

— Нет. У меня осталось ваше поздравление.

Я опускаю руку с серьгой. Теперь мне хочется напомнить ей, что этот номер Виталий давал и мне. Что я тоже когда-то думала, будто поздравляю человека, с которым всё понятно.

— Перешлите лучше отцу мой номер, — говорю я. — Раз разговор между вами не получается, я ему сама объясню, что встречи у меня дома не будет.

— Вы правда хотите, чтобы он вам позвонил?

— А зачем бы я его просила?

Молчание. Я ставлю серьгу на застёжку и слежу, как она качается, пока не падает. Если бы я сказала ей, что он вернулся, она могла бы пожелать мне всего хорошего. Даже я не знаю, что пожелать ей сейчас.

— Хорошо, — говорит она. — Перешлю.

Я отпускаю экран. С краю кухонного стола лежит листок с названием нового цеха и телефоном человека, с которым я договаривалась о поездке. В порыве пишу ему, что могу выехать сразу после праздников. Нажимаю «отправить», хотя с утра решила подождать до завтра. Одна машина у меня уже готова.

Телефон снова вздрагивает на столе. Вижу имя Тараса и прикасаюсь к сообщению, будто оно горячее.

«Завтра снег. Если к семи замело, скажите, куда подъехать. Я всё равно буду в городе».

Я набираю: «Спасибо, я сама». Читаю и стираю. Всё зачем-то звучит так, будто я отвечаю соседу, который жалуется на моё парковочное место. Набираю: «Вы предлагаете проехать всю дорогу с женщиной, у которой грохочет под сиденьем?» Это уже получше. Отправляю. В ответ сразу приходит «Да. Даже если вы опять его туда засунете».

Я чувствую, что улыбаюсь, и сажусь, хотя до этого всё стояла посреди кухни с пальцами у ворота. Не представляю, как из этой квартиры вообще выйти завтра на свидание. Но

представляю, как сяду к нему в машину, а он скажет что-нибудь совсем обычное, и мне захочется ехать дольше, чем надо.

Следующий звонок оказывается с незнакомого номера. Уже поздно для звонков по работе. Раньше я в такой час всё равно брала, потому что Виталий забывал зарядить телефон и, если застревал где-нибудь, звонил с чужого.

— Эвелина Лунёва? — спрашивает мужчина.

— Да.

— Меня зовут Герман Нестеров. Аглая дала ваш номер. Сказала, у вас Виталия нет.

— У меня его давно нет.

— Тогда я сразу спрошу. С вами можно говорить о деньгах, которые я одолжил ему на ваше лечение?

Глава 3

— На лечение мне денег не давали, — отвечаю я. — И я ни у кого их не просила.

Нестеров молчит. Проверяю экран: звонок ещё идёт. Теперь он, должно быть, подыскивает, как подвести меня к вопросу, который обычно задаёт первым.

— Извините, — говорит он. — Я был уверен, что вы знаете. Пятьсот сорок тысяч. Деньги я переводил Виталию.

Я отодвигаюсь от стола так резко, что стул скрипит подо мной. Пятьсот сорок. Виталий обычно занимал у меня тридцать или пятьдесят, пока его фирма не получит платёж. Последний раз занимал на бензин. Три тысячи наличными с верхней полки, куда я клала купюры на случай, если приедет курьер и нужен будет расчёт. В тот день он уже знал, что через неделю уйдёт.

— Вы, я надеюсь, переводили на его счёт, — говорю я.

— На его. Он должен был вернуть тридцать первого декабря. Две недели назад попросил заглянуть к вам домой, когда дочь будет проезжать мимо. Сказал, там и решим вопрос.

— Я думала, иначе люди возвращают деньги. Берут и возвращают. Зачем вам ещё и домой к нам заходить?

— Я тоже так думал. Но вы не переживайте. С вас я денег не прошу.

Я открываю рот и понимаю, что как раз собиралась сказать, что с меня денег он и не получит. У мужчины довольно приятный в своей сухости голос. Мне становится стыдно, что злюсь на него. Я могла бы попробовать сказать, что он сам виноват. Как можно отдать полмиллиона человеку, который попросил вас помочь с чужим лечением? Но я знаю, как Виталий просит. Если бы он так попросил меня для Аглаи полгода назад, я бы, пожалуй, стала искать деньги.

— А почему вы решили ему поверить? — всё-таки спрашиваю я.

— У меня были причины. И я бы предпочёл услышать его объяснение прежде, чем обсуждать их с вами.

— Тогда почему звоните мне вечером?

Я снова повысила голос. Делаю вдох, жду, что он оборвёт разговор, а мужчина просто отвечает, чуть помедлив:

— Потому что дочь сказала, вы удивились. Я подумал, что должна быть какая-то ошибка.

Я беру валяющийся на столе карандаш и пишу сумму на листке с номером нового цеха. Первую пятёрку приходится обвести ещё раз. На бумаге осталась вмятина от другой записи.

— Ничего у меня не случилось такого, на что нужно было бы занимать деньги. Он вам говорил, когда это было?

— Осенью. Мне тогда показалось, что люди не выбирают, в каком месяце им болеть. Я не расспрашивал.

— А когда вы скажете ему, что поговорили со мной?

— Позвоню утром. Уже поздно.

— Как хотите. Только имейте в виду, что у меня дома тридцать первого встреча не состоится.

— Аглая сказала. Я понял.

Я прощаюсь первой, но телефон так и держу в руке. Рядом с суммой пишу: «Тридцать первое». До встречи два дня. Он мог предупредить меня в любой из них.

Потом набираю Виталия. Четыре гудка. Я вдруг вспоминаю, что если он звонит мне с утра, то часто ждёт только три. Сама причина звонка ему к четвёртому успевает показаться мелкой. Но в этот раз он и на шестом не отвечает. Я сбрасываю. От желания перезвонить у меня ломит челюсть, как бывает после долгого разговора, когда приходится улыбаться в трубку.

Беру телефон опять и пишу: «Я разговаривала с Германом Нестеровым. О чём вы договорились на тридцать первое?»

Ответа нет. Сижу в прихожей на табурете и натягиваю ботинки. Хочу сесть в машину и уехать, пока Виталий может раздумывать, что мне ответить. Тарас сказал, какую полосу держать, если начнёт мести. Двести километров туда, двести обратно. Прямо сейчас хватило бы и десяти.

Я выхожу к машине. На лобовом стекле тонкая ледяная корка, дворники к ней примёрзли. Открываю пассажирскую дверь и нахожу скребок в кармане за передним сиденьем. Тарас убрал его туда ручкой вверх. Пока чищу стекло, три раза звенит телефон. Я заканчиваю до самого края. Подни-

маю дворники и стряхиваю с них мелкие блестящие крошки. Потом лезу в карман.

Звонили из цеха. У ночного охранника кончились пропуска для подрядчиков. Я объясняю ему, что до первого числа они больше не придут. Он спрашивает, всё ли у меня в порядке, и я говорю: конечно. Ему нужно, чтобы я не бросила трубку и нашла решение про пропуска. И я впервые за этот вечер говорю ровным голосом, потому что знаю, где они лежат.

— В нижнем ящике у диспетчера ещё есть пачка. Оставьте штуки четыре, остальное можете унести себе на пост.

— Понял. Вы, главное, завтра не приезжайте за этим. Я уже в пальто, сейчас зайду.

— А я и не собиралась, — отвечаю я.

Это правда. Завтра у меня свидание. Если я приеду посреди дня проверить пропуска, то заодно зайду на склад, наберу руководителя смены и к шести почувствую себя совершенно незаменимой. Тарасу к тому времени можно будет написать, что я на работе и всё опять пошло наперекосяк.

Я забираю скребок домой. Укладываю его вместе с перчатками на подоконник. Через десять минут из окна видно, что стекло снова покрылось белыми точками. Снег всё-таки пошёл.

Утром я просыпаюсь на боку. Левая рука лежит под дальней подушкой, куда я её иногда просовываю во сне. Перед тем как достать её, успеваю потянуться туда ещё чуть-чуть.

Виталий обычно сердился, когда я будила его холодной ладонью. В выходные мог поймать за запястье и спрятать руку под одеяло к себе.

Телефон за ночь сел. Ставлю его на зарядку и жду, пока загорится экран. Вчера Виталий так ничего и не ответил. Если и сейчас увижу пустую переписку, опять придётся решать, что делать самой. Как будто я и так не знаю: позвонить ещё раз, услышать гудки и сидеть с телефоном в руке, пока у меня окончательно не пропадёт желание куда-нибудь выходить.

Без четверти девять. Виталий за ночь так и не написал. От Тараса короткое «Стоянку у ресторана почистили». Видимо, по пути в мастерскую сам проехал мимо. Я пишу ему, что сегодня не смогу приехать. Слова «извините, семейное» стираю и оставляю только просьбу отменить бронь.

В ответ он спрашивает: «Сегодня или вообще?»

Читаю дважды. Уже прикидываю, как бы объяснить, почему мне сегодня так хочется, чтобы кто-нибудь всё-таки отвёз меня в ресторан. Пишу: «Сегодня». Добавляю: «Я сама вам позвоню, если вы ещё захотите». Под сообщением появляется отметка о прочтении. Отвечает не сразу. Я как раз успеваю снять с вешалки жакет, который вчера вечером собиралась надеть.

«Захочу. Позвоните».

Вешаю жакет обратно. Виталий ещё даже не позвонил, а я уже отменила свидание, чтобы сидеть дома и ждать его звонка. Набираю номер. Сбрасываю до первого гудка. Вчера я

задала ему вполне понятный вопрос. Можно было написать хотя бы «поговорим утром». Вместо этого он с вечера ничего не ответил, а я вижу перед собой только два дела на сегодня: дождаться его и снова что-нибудь отложить.

От звонка в дверь я выпускаю телефон. Он ударяется об угол комода. Я ловлю его обеими руками, уже у самого пола. Ботинки стоят как я их бросила, один лежит набок. Пряжка на ремешке сумки еле слышно постукивает о шкаф. Я снимаю сумку с крючка и придерживаю пряжку пальцем.

— Кто там?

Сначала слышу, как кто-то тихо трёт ногу о коврик. Очень знакомый звук: левую подошву Виталий всегда вытирает носком правого ботинка. Смешнее всего, что коврик я поменяла. Он теперь шершавый, без резиновой каймы, а всё равно слышно.

— Эва, открой. Я знаю, что тебе звонил Герман.

Глава 4

— Ты один? — спрашиваю я.

До чего обидно, что мне понадобилось это спросить. Стою у двери собственной квартиры и не могу отпереть замок, пока не узнаю, нет ли с ним женщины, которая вчера назвала мой адрес по телефону. А у неё, между прочим, был удивлённый голос. Она тоже думала, что Виталий уже позаботился о том, чтобы ей не пришлось здесь стоять.

— Один, — говорит он. — Тебе в глазок меня не видно?

Я не смотрела в глазок. Просто держусь за защёлку и считаю, сколько времени прошло с тех пор, как мы вот так разговаривали в последний раз. В октябре дверь была распахнута, я стояла босиком. Он нагнулся к чемодану и дёрнул за обе ручки, как делал всегда, когда надо вынести что-то большое и он уже опаздывает.

Я отодвигаюсь и открываю.

За эти два месяца Виталий купил себе другую куртку. У старой изнутри под воротником оторвалась петелька, он носил её на согнутом пальце. Новую так носить не придётся. Она короче, широкая в плечах, слева на молнии висит чёрная бирка с названием магазина. Он даже не заметил, что её забыли снять.

— Дашь войти?

— Зачем тебе понадобилось назначать встречу у меня до-

ма?

Он сначала смотрит не на меня, а туда, где под зеркалом лежали его ключи. Полка пустая. Я вижу, как быстро он отводит глаза. Пока я решаю, впускать ли его, из соседней квартиры слышно, как двигают стул. Виталий тоже слышит. Он делает полшага ко мне, и я отступаю.

— Про обувь сам помнишь, — говорю я.

Он вытирает ботинки и остаётся на коврике. Завтра, если я зайду в прихожую спозаранку, на плитке могут быть маленькие следы соли. Надо будет снять их влажной тряпкой, пока не высохли окончательно. Я отодвигаю его ботинок носком своей тапки, чтобы подошва осталась целиком на коврике. Он переводит ногу без единого слова. Теперь мне хочется плакать.

— Я звонил Аглае, — говорит он. — Она утверждает, что ты поговорила с её отцом.

— Поговорила. Теперь хочу с тобой.

— Я бы сам объяснил. Собирался заехать.

— Тридцать первого? Вместе с ними?

Он расстёгивает куртку на одну треть, потом застёгивает обратно. В прежние времена это означало, что ему жарко, но раздеваться он не будет: иначе придётся признать, что разговор надолго.

— Я взял деньги в сентябре. Мы встали с одним заказом. Из материалов уже половина приехала, за них надо было платить. Заказчик отказался переводить остаток. Двена-

дцать человек сидели с просроченной зарплатой. Одному прямо от нас надо было идти платить за квартиру, я уже на парковке с ним разговаривал.

— Герман знает про двенадцать человек?

Виталий сжимает губы. У него всегда такая складка под нижней губой, если он прикусит её изнутри. Я вдруг вспоминаю, как показывала её ему на фотографии с нашей свадьбы. На том кадре мы стоим в очереди за какой-то бумагой, он всю дорогу не мог вспомнить, куда положил мой паспорт, и надеялся, что я об этом не спрошу.

— Я сказал ему, что тебе нужно обследоваться.

— Он думает, что оплатил мне лечение. Вчера спрашивал, могу ли я об этом говорить.

— Ну хорошо. Сказал, что нужно лечиться.

Я впервые слышу, как легко он может это сказать. Хочется выставить его на площадку. Даже руку поднимаю к двери, но так и не открываю. Может, надо было оставить его на площадке. Там у меня хотя бы была бы возможность закрыть дверь.

— Тебе обязательно было про меня ему рассказывать?

— На фирму он бы не дал.

— А ты просил?

— Нет, не просил. Его дочь уже знала, что у меня с заказом. Она сказала, что папа ни в жизнь не станет вкладываться в чужую фирму.

Я прохожу мимо него к зеркалу, выдвигаю из-под него уз-

кий ящик. Раньше здесь был его кошелёк. Теперь лежат бахилы, несколько пуговиц, чеки от замка и две длинные иглы в бумаге. Закрываю. Чего я там хотела найти? Руки занять, вот и вся причина.

— То есть она знала, что тебе нужны деньги на фирму?

— Знала, что там трудности. Она представления не имела, чем я их закрыл. Я не рассказываю ей о каждом переводе.

Обрадовался, что может снова отказаться отвечать. Я узнаю эту лёгкость в голосе и едва не начинаю спорить про то, о чём и сколько он ей рассказывал. Он бы ещё раз сказал, что это их дело, а его двенадцать сотрудников всё равно получили зарплату. Среди них есть люди, руки которых я знаю лучше, чем знаю его новую одежду. Они собирали мебель у нас дома. Виталий в первый год не умел предложить им денег и выдумывал заказы, за которые можно было заплатить чуть больше.

Я спрашиваю:

— Когда сможешь вернуть?

— Всей суммы сейчас нет. В январе тысяч восемьдесят соберу. Если он даст ещё полгода, с остальным разберусь.

— Попроси у него полгода.

— Я и собираюсь. Думал, что если увидит тебя, то поймёт.

— Что именно?

Виталий поворачивает голову к двери. Не уходит. Я успеваю услышать в подъезде шаги и понять, кто идёт: этажом ниже живёт мужчина с тяжёлым портфелем. Он ставит его

на подоконник между пролётами, когда ищет ключи. Теперь портфель стукает о подоконник как раз с другой стороны стены. Виталий опускает голос.

— Скажи при нём, что деньги тогда очень помогли. Всё. Никаких подробностей он не станет спрашивать, если ты сама скажешь.

Я хочу засмеяться. Коротко, в нос, как бывало, когда мы вдвоём слышали глупость и можно было наконец разойтись по делам. Вместо этого у меня закладывает одно ухо. Приходится сглотнуть.

Я представляю, как сяду на кухне возле Германа. Придётся достать ещё кружки, убрать с подоконника перчатки. Если Аглая захочет помочь, она не будет знать, где у меня полотенце. Виталий подскажет. Потом сядет так, чтобы с той стороны стола я видела его лицо. И пока Герман спросит, полегчало ли мне после лечения, Виталий успеет один раз кивнуть.

— А если он спросит, на что именно я их потратила?

— Он не станет.

— Откуда ты знаешь?

Виталий снова смотрит на полку. Я ведь сама всё за него договорила. Уже думаю, что будет, если Герман спросит, а Виталий даже не придумал для меня ответа. По прошлому опыту знает, что в нужную секунду я и сама найду слова.

— А потом я должна уйти за лекарствами, пока вы договариваетесь, или можно будет просто закрыть за вами дверь?

Он смотрит мне прямо в лицо.

— Я не просил тебя делать из этого спектакль.

— Ты сказал Аглае, что вернулся. Ей теперь что говорить? Что сегодня пришёл, а я не успела убрать твои вещи на место?

Виталий стаскивает перчатку. Кладёт на полку и прижимает голой ладонью. Полка шатается. Он убирает руку, перчатка падает.

— Ей я скажу сам.

— Про деньги или про семью?

— Эва.

Только он сокращал моё имя так. Другие либо сразу говорили Лина, либо называли целиком. Дома он произносил это у двери спальни, если я засиживалась за работой. Мог сказать ласково, мог сердито. Сейчас говорит так, как будто я отвлекаюсь и он напоминает, что важное ещё впереди.

— Я к тебе зачем пришёл, по-твоему? Мне надо рассчитаться с живым человеком. Я не хочу, чтобы он весь январь ходил на мою фирму и спрашивал при сотрудниках, как поживает моя жена.

— Я ему уже сказала, как поживаю.

Виталий шевелит свободной рукой. В прошлую зиму у него так замерзали пальцы, когда он по утрам чистил машину. Он не жаловался. Садился за руль, ругал печку, а потом синими ногтями отрывал мне кусок парковочного билета, чтобы я спокойно прошла мимо шлагбаума. Хочется, чтобы

пощипало щёки от холода, чтобы вокруг нас сейчас было как в машине зимой и можно было потрогать ладонью тёплый воздух у решётки.

Я наклоняюсь, поднимаю упавшую перчатку. Она мягкая и внутри ещё тёплая. Протягиваю ему. Он берёт двумя пальцами.

— Дома встречи не будет, — говорю я. — И рассказывать ему про деньги, которые мне помогли, я не стану.

— Я назвал Герману «Альтеру», — говорит Виталий, натягивая перчатку. — Сказал, что ты была там двадцать четвёртого сентября. Вот тогда он и согласился.

Глава 5

— Кто ещё знает, куда я ездила двадцать четвёртого? — спрашиваю я.

— Герман. Я же только что сказал.

— Кто ещё, Виталь? Кому ещё ты назвал клинику?

Он поправляет перчатку на запястье, будто я придираюсь к какой-то мелочи.

— Погоди. Мы же нормально об этом говорили. Ты мне название сама сказала, даже просила проложить дорогу. Я ещё подумал, что тебя туда утром отвезу. Потом не получилось, но вечером-то я приехал.

Да, приехал. В сентябре дождь шёл третий день. Подъезд к клинике узкий, пока машину разворачиваешь, приходится сдавать почти к самому крыльцу. Виталий встал за поворотом. Обычно я нахожу его сразу, потому что он даже в тёмном салоне что-нибудь делает: чешет бровь, крутит ключи. А тогда разглядела в последнюю очередь. Он сидел очень прямо, даже телефон лежал экраном вниз. Когда я села, он спросил, почему я вышла без зонта. Я решила, что ему лишь бы сказать хоть что-нибудь, пока мы оба не расплачемся.

— Ты назвал Герману дату прежде, чем получил деньги?

Он мнёт перчатку и глядит на мои ноги. Я в тонких тапках, правая пятка съехала с подошвы.

— Не помню. Я мог сказать название тогда, а день позже.

— Ты вообще с ним один говорил или там была Аглая?

— Эва, по-моему, тебе сейчас лучше не выяснять, кто где был. Ты уже сказала ему, что никаких денег тебе не давали. Прекрасно. Сам разберусь.

Он берётся за дверную ручку. Раньше мы по этому жесту могли узнать, что пора окликнуть друг друга. Сейчас я жду, пока он повернётся сам. Он поворачивается. У него небольшой порез на подбородке, совсем свежий, я замечаю его только теперь.

— Женщине, с которой я прожил два месяца, я говорил разное, — произносит он. — Как и тебе до неё. Не всё надо повторять её отцу.

Два месяца. Про деньги он заговорил быстрее. Чтобы решиться сказать, сколько прожил с ней, ему понадобилось уже взяться за дверь.

— Давай проверим, правильно ли я тебя поняла. Тридцать первого мне нужно впустить вас сюда. Ты скажешь, что снова живёшь со мной. Я скажу, что взятые тобой деньги помогли с лечением. А потом ты при мне попросишь ещё полгода.

Он отпускает ручку. Мимо двери по площадке кто-то проходит, с той стороны шуршит рукав о косяк. Виталий ждёт, пока шаги стихнут.

— Тебе очень хочется, чтобы кто-нибудь услышал?

— Мне хочется, чтобы ты услышал.

Я говорю это громче, чем собиралась. Виталий не отвечает. Тянет дверь на себя и осторожно прикрывает, чтобы

язычок защёлки не стукнул о металл. Раньше он так уходил утром, когда думал, что я ещё сплю.

Я ещё стою у двери. Внизу Виталий толкает тяжёлую подъездную створку, она возвращается и хлопает. Мне вдруг хочется выйти на лестницу и крикнуть ему, что я могла бы понять его тогда, в сентябре. Даже подождать с нашими расходами, лишь бы дома можно было говорить о том, чего нам не хватает. И какое теперь ему дело до того, что я могла бы? Он уже успел воспользоваться тем, что про наши дела ни у кого ничего не спрашивал.

Я достаю телефон, хочу набрать Аглаю и спросить, каким был её первый разговор с отцом о деньгах. Номер у меня теперь в списке вызовов рядом с Тарасом. К его имени тянусь быстрее. Снимаю палец с экрана. Я обещала позвонить, когда смогу говорить с ним, не оглядываясь на дверь. Придётся, выходит, сначала решить, что мне от него нужно. Кроме того, чтобы он сказал «захочу» ещё раз и я услышала это сама.

От Германа пока ничего. Я подбираю в прихожей свои ботинки, ставлю вдоль стены. В одном шнурок разобрался сам собой, приподнимаю язычок и перевязываю. Собираюсь ведь ещё куда-то сегодня ехать. У меня есть список покупок к тридцать первому, и в нём почему-то до сих пор лежит пачка горчицы для Виталия, которую он ест ложкой с мясом. Я открываю список, вычёркиваю её. После этого список становится ровно на одну строчку короче. Хотелось бы побольше

за такие старания.

Звонит начальник смены. Хочет узнать, может ли он сам подписать наряд на пробный тираж. Я разрешаю и тут же спрашиваю, чем заказчик объяснил замену бумаги, кто её видел и что будет, если она начнёт липнуть в машине.

— Я один лист уже прогнал, — перебивает он. — Я бы спросил вас, если бы липла.

Я подхожу к окну и засовываю руку в карман. Там металлическая пуговица, которую так и не пришила к рукаву. Вытаскиваю её и ставлю на ребро на подоконнике.

— А зачем ты мне тогда звонишь?

— Чтобы подписать наряд. Наверное, теперь уже можно?

Я смеюсь. Вот ведь умеет дождаться, пока я сама услышу, как с ним разговариваю.

— Подписывай. И прости, что я тебя допросила, прежде чем ответить.

— Ничего. Я уже привык заходить издалека. — Он отключается.

Из окна видно, как снег с нижней ветки осыпается на железное ограждение. Я надеваю ботинки. Когда берусь за ручку, мне кажется, что с той стороны опять может оказаться Виталий. И я открываю дверь быстрее обычного. На площадке пусто. Только дорожка от его сапог тянется до лестницы, у первой ступеньки потемневшая вода.

Покупки я всё-таки делаю. В очереди женщина передо мной отворачивается к витрине, а её ребёнок в жёлтой шап-

ке ставит в мою корзину свою пачку пряников. Он делает это медленно и очень старательно, потом пододвигает пачку ко мне поближе.

— Возьмите, — говорит он. — А то вам не хватит.

У меня уже есть две пачки. Свою он кладёт третьей. Женщина оборачивается и сразу думает, что он просит купить. Приходится объяснить, что он как раз отдаёт. Ребёнок сдвигает шапку на затылок и смотрит на мать с тем же выражением, с каким мой начальник смены сегодня спросил, можно ли подписать наряд. Я покупаю третью пачку. Вытащу потом на работе из ящика, когда кому-нибудь понадобится объяснить, почему он может решить простую вещь самостоятельно.

На холоде телефон начинает звонить ещё на нижней ступеньке магазина. Прижимаю пакет к бедру. Бумажное дно прогибается, и вся ручка ползёт вверх, к сгибу локтя.

— Да, Герман, — говорю я, пока он ещё не успел представиться.

— Вам удобно говорить?

Мимо идут люди с покупками. Из пекарни у дверей тянет тёплым воздухом и сдобой. Я ставлю пакет у ног и отхожу, чтобы не мешать.

— Теперь подходящее.

— Виталий сказал, что был у вас и всё объяснил.

Я смеюсь. Человек, который выходит с покупками, оглядывается. У него под мышкой торчит верхушка искусственной ёлки, целиком укутанной в прозрачный пакет.

— Вы разговаривали у него на работе?

— Да. Он попросил чуть подождать возле кабинета, пока ему принесут какие-то документы. В одном месте пришлось отойти подальше: там сидят люди, которые его слушают. Он мне сказал, что я очень вовремя приехал.

Я вспоминаю перчатку на полке. С каким видом он переводил глаза с меня на дверь, стоило соседу пройти мимо.

— Что именно он вам сказал?

— Что деньги брал для семьи и вы уже в курсе. Что я неправильно его понял и навёл на вас лишнего беспокойства.

Я отступаю на снег. Только утром я отказалась подтверждать его историю. Значит, он уже нашёл способ сказать Герману, что я всё подтвердила.

— Он взял ваши деньги, чтобы выплатить своим людям зарплату. Так он объяснил мне сегодня. Я могу только передать вам его слова.

— Своим людям, — повторяет Герман. Пару секунд молчит. — Завтра я задам ему тот же вопрос при вас. У меня к вам одна просьба, Эвелина. Останьтесь за столом, когда он снова скажет, что брал деньги для вас.

Глава 6

— Останусь, — говорю я. — Только встречаться будем в кафе. Домой я вас не приглашу.

— Помню. Поэтому и спрашиваю, где вам будет удобно.

У меня в голове первым всплывает ресторан, где я должна сегодня ужинать с Тарасом. Можно позвонить, вернуть бронь и завтра посадить там всех троих. Представляю, как женщина у гардероба тянется за пальто Виталия и спрашивает, кто из нас будет оплачивать стол. Нет уж. Ни один из них не будет сидеть там, куда меня позвали вчера.

— В «Пятой комнате» на Садовой. Завтра они должны работать до четырёх. Сможете к часу?

— Да. Аглая подвезёт меня. Ему я сообщу сам.

— Подождите. Я ещё хочу кое о чём договориться. Если вы меня зовёте затем, чтобы я объясняла, что у него было с заказом и сколько он должен работникам, я разворачиваюсь и ухожу.

Герман слегка кашляет. Рядом с ним кто-то говорит: «Да сейчас, секунду». Он прикрывает микрофон, потом возвращается.

— Эвелина, мне достаточно, чтобы он сказал при вас то же самое, что говорит мне. Я пока не услышал от него ни слова про фирму. Если он повторит, что занимал для семьи, я хочу, чтобы вы могли ответить.

Я пытаюсь удержать пакет рукой, у которой совсем замерзают пальцы. Внутри подается что-то тяжёлое. Наверное, бутылка масла. Ставлю пакет обратно.

— Я отвечу. Только вы сами подтвердите время. Я больше никому звонить с приглашением не собираюсь.

— Договорились.

Пока Герман ищет ручку, я слышу рядом уже вполне отчётливо голос Аглаи. Она спрашивает, нужно ли вернуть ему зарядку. Герман отвечает: «Положи на стол, мне потом ещё звонить». Мне хочется окликнуть её. От вчерашнего разговора так и осталось ощущение, что обе сказали что-то важное уже после того, как отключились. Но Герман записывает адрес, который я ему повторяю, и мы прощаемся.

Пакет всё-таки рвётся на углу. Бутылка масла выезжает на ладонь. Я ставлю её на ступеньку, покупаю у кассы новый пакет и только потом замечаю, что в руке у меня по-прежнему лежит чек. На нём получилось целых четыре строки с товарами, которые Виталий не стал бы покупать по такой цене. Он бы точно спрашивал, где я нашла пряники по сто восемьдесят, если в павильоне за школой они по восемьдесят пять. Я бы поехала туда однажды ради интереса, нашла не те пряники и сама дотащила домой оба пакета. Так у нас обычно и бывало.

Я выхожу к машине, ставлю покупки на пассажирское сиденье. Ремень безопасности вытягивается рывком. Я зачем-то пристёгиваю пакет, будто он сейчас опять завалится.

Зато у автомобиля есть замечательное свойство. Когда закрываю дверь, никто не может подойти ко мне с половиной вопроса и дождаться, что другую половину я сама за него сформулирую.

Открываю переписку с Тарасом. Не пишу. Нажимаю на трубку, слышу гудок и принимаюсь выравнивать на руле один палец за другим. Как хорошо, что я сейчас сижу. На ходу наверняка врезалась бы в кого-нибудь, а потом ещё уверяла бы, что смотрела вперёд.

Тарас отвечает на третьем гудке.

— Лунёва?

— Да. Хотела узнать, не опоздала ли я позвонить.

— На сегодня опоздали. Я до семи тут буду, потом повезу мастера домой. Он с утра жене сказал, что вернётся с её машиной, а взялся ещё и за чужую.

Мне вдруг становится смешно. Я думала, что если позвоню первой, то он сразу скажет, где и когда мне будет удобно, а я буду смущаться и соглашаться на что угодно. Теперь я просто сижу у магазина с пристёгнутыми пряниками и слушаю, как он захлопывает дверцу у себя в мастерской.

— А мастер знает, что вы его повезёте?

— Знает. Уже понял, что я уеду, если он найдёт себе ещё одну машину.

Тарас прикрывает трубку и говорит кому-то, чтобы не затягивали воротами рукав. Я жду. Обнимаю живот руками. Я, оказывается, с самого утра так ни разу и не села по-чело-

вечески, чтобы спина целиком упиралась во что-то. Можно даже голову откинуть.

— Так почему вы всё-таки отменили? — спрашивает он.

Я пинаю ногой коврик. Там нет ничего, что надо было бы поправить.

— Дома кое-что произошло, а я решила, что если останусь в квартире, то смогу как-то это исправить. В итоге весь день проговорила по телефону и разорвала пакет.

— Пакет, надеюсь, уже починили? А то с остальным я сегодня не успею.

— Это вы сейчас стараетесь поддержать разговор?

— Я сейчас пытаюсь представить, почему вам понадобилось мне звонить, если вы и так со всеми сегодня поговорили.

Один раз за двадцать два года Виталий спросил меня, хочу ли я его услышать. Он уехал на выставку, а я обиделась, что он весь день молчит. Под вечер он позвонил и спросил, надо ли мне поговорить или я хочу именно услышать его. Я ответила, что мне всё равно, и с тех пор мы про это больше не разговаривали. Как же просто, оказывается, опять сказать «всё равно». Можно совершенно не сомневаться, что тебе поверят.

— Мне хотелось услышать ваш голос, — отвечаю я.

На другом конце никто не говорит. С улицы у меня слышно, как мужчина несколько раз дёргает ручку чужой машины и удивлённо оглядывается. Собственная стоит через две,

жена ему уже машет. Я смотрю, как он идёт к ней вдоль сугроба.

— Тогда хорошо, что позвонили, — говорит Тарас.

Вчера в сервисе он чуть вытягивал первое слово, когда шутил. Сейчас произносит все четыре ровно. Я поворачиваю голову к пустому сиденью и вижу, как выгнулась ременная лента над пакетом. Протягиваю руку, отщёлкиваю замок. Если бы бережно возила всё, чего боюсь лишиться, в квартире уже некуда было бы ставить пакеты.

— Я могу попробовать завтра, — говорю я. — Только днём у меня тяжёлый разговор. Во сколько закончится, понятия не имею.

— После девяти?

Я проверяю, не ослышалась ли. После девяти завтра будет тридцать первое декабря. Люди в это время уже начинают звонить родственникам и спрашивать, все ли в сборе. Даже мы с Виталием в один год поставили будильник на девять, потому что забыли поздравить его сестру. Он включился, когда я стояла на стуле и пыталась дотянуться до крючка для гирлянды.

— А вы завтра разве не заняты?

— До девяти обещал поужинать со своими. Потом я свободен. Могу встретить вас в городе, если захотите выйти. Или заехать к вам и вместе выбрать, куда ехать. Только решите к вечеру, чтобы не искать друг друга в снегу.

— Если я не захочу ничего выбирать?

— Тогда выберу я. Только вам придётся выйти из дома.

От его уверенности в этом «придётся» меня передёргивает, и почти одновременно мне хочется посмотреть, как он завтра за мной приедет. Я смотрю на собственные колени. Карман куртки оттопырился. В нём осталась пуговица, которую я вертела на подоконнике.

— За мной домой не заезжайте, — говорю я. — Я хочу прийти сама.

— А куда вы хотите прийти?

— Вот когда выберете, скажете, куда.

Он тихо смеётся. Я вытаскиваю пуговицу, но она выскальзывает из пальцев и убегает под педаль. Не двигаюсь. Мне даже немного жаль, что я не вижу Тараса, когда говорю с ним такие вещи. Узнала бы, пугается он хоть чуть-чуть или вся неловкость достаётся только мне.

— Договорились, — говорит он. — Эвелина, ещё один вопрос. Это вы мне тогда сказали про четыреста километров в обе стороны?

— Я.

— Когда я вчера смотрел вашу заявку, там было про две коробки и чемодан. Я думал, вы к кому-то в гости. А вы туда переезжаете, Лунёва?

Глава 7

— Из-за коробок и чемодана вы решили, что я переезжаю?

— Места в багажнике хватало, я проверил. Вы потом ещё спросили, можно ли везти лампу, не снимая абажура. Я подумал, с таким количеством вещей на один вечер обычно не едут.

Я уже почти готова рассказать, что у меня в коробках. Летняя обувь, папки с работой, настольная лампа. Поставила обе в спальне возле шкафа и две недели их переставляю, когда нужно добраться до нижней полки. Вещи уезжают пока только от шкафа к кровати и обратно.

— Мне предложили работу в другом городе, Тарас. Поеду после праздников, посмотрю, что там за люди и что им понадобилось именно от меня.

После того как произношу его имя, дожидаюсь, что он тоже назовёт меня по имени. Он вместо этого спрашивает:

— А вам от них что нужно?

Я перестаю искать пуговицу ногой. Как странно, я всё время прикидывала, подойду ли на новое место. Даже составляла себе вопросы, которые могут задать на встрече, хотя мы ни о каком собеседовании не договаривались. Думала об этом уже так, будто должна только прийти и развести руками: берите, какая есть, я и со старой машиной умею работать.

— Чтобы мне дали набрать людей самой, — говорю я. — И чтобы я не обнаружила через месяц, что уже за троих пообещали, как они будут на меня работать.

— Тогда вы правильно делаете, что едете поговорить.

— А если мы договоримся?

— Тогда поедете ещё раз.

По его тону выходит, что он отвечает на совершенно обычный вопрос. А я до сих пор про другой город толком не говорила даже с тем человеком, который сделал мне предложение. Почему-то меня тянет сказать Тарасу, что четыреста километров легко проехать. За день управиться можно, если в обе стороны светло. Хочется объяснить, что переезжают и дальше, бывает даже, что муж после двадцати двух лет съезжает всего на три улицы и ты два месяца не видишь его ни в одной очереди.

— Я ещё ничего не решила, — говорю я.

— Знаю. Завтра я всё равно хочу провести с вами вечер.

— Вам вообще легко говорить, чего вы хотите?

— Мне было сложнее, пока я вчера не понял, что вы смеётесь над моей шуткой. Теперь чуть полегче.

— Это над какой?

— Вы собирались припомнить мне, что я желал насморка другому мужчине, или надеялись, что я сам сознаюсь?

Я закрываю лицо ладонью и сижу так, пока он не спрашивает, не оборвалась ли связь. Не все мужчины в моей жизни могли дождаться ответа, пока я смеюсь. Некоторые в это

время начинали уточнять, поняла ли я, как надо было отреагировать.

— Я здесь, — говорю я. — И завтра приду.

— В девять пятнадцать у часов на площади?

— Которые отстают на три минуты?

— Сегодня отстают на пять. Я перед ними буду стоять, вы меня сразу увидите.

Он отключается первым. На вывеске аптеки без двадцати семь. Если бы Аглая вчера не позвонила, я бы сейчас ехала к Тарасу на ужин.

Прежде чем тронуться, выуживаю пуговицу из-под педали и убираю в карман. Дома ставлю пакет на пол. Из щели у двери торчит квитанция, которую опять сначала отдали соседке. Виталий раньше забирал такие бумажки ещё с лестницы и клал на холодильник, чтобы я увидела. Разуваюсь, кладу квитанцию на стол и вспоминаю, что к девяти пятнадцати хочу надеть любимые серьги. Виталий никак не понимал, зачем я купила третью пару почти такой же формы. А я хотела именно эти.

В почте пришёл ответ из нового цеха. Прежде чем открыть письмо, я всё-таки иду в спальню и поднимаю коробку с папками. Чуть надорванный угол сразу сдаётся под пальцами. Из щели высовывается край фотографии цеха, который мы когда-то открывали здесь. Виталий пришёл тогда позже всех и встал возле двери, чтобы меня хорошо видеть. На снимок он так и не попал. Зато все мои люди попали, даже

сменщик, который сейчас звонит и просит разрешения на то, что прекрасно умеет делать сам. Я вынимаю фотографию и ставлю на полку. В новой комнате на работе мне захочется её повесить. Я могу приехать восьмого и посмотреть пробную смену, только в первую половину дня. Открываю календарь, ввожу дату, отмечаю дорогу. Потом долго не нажимаю на кнопку сохранения. В том календаре мы с Виталием заводили несколько общих дней. Поначалу он вносил туда свои отъезды, а я свои. Потом у него сменился телефон, и за двоих всё отмечала я.

Снимаю галочку рядом с его адресом. Проверяю, сохранилась ли встреча. Восьмое, одиннадцать утра. Взять папку. Написать мастеру смены. Запросить у цеха схему расстановки. Мне становится легче всякий раз, когда соображаю, что делать дальше. Сегодня утром я по такому же принципу отменила свидание: там хотя бы было видно, на что нажать.

Уведомление от Аглаи приходит, когда я уже беру ножницы, чтобы отрезать полоску ленты для надорванного угла коробки. Она пишет, что отец подтвердил время и Виталий обещал быть. Я отвечаю: «Хорошо». Сразу после этого появляется ещё одно сообщение.

«Я спросила папу, когда Виталий к нему обратился. Он переслал подтверждение перевода. Если хотите, могу и вам».

Ещё вчера я бы написала, что это их бумаги. Сейчас кладу ножницы и медленно отодвигаю от себя пакет.

«Да, пришлите».

Аглая передаёт снимок экрана из банковского приложения. Сверху сумма, пятьсот сорок тысяч. Рядом имя получателя с первой буквой фамилии. Номер чека внизу совсем мелкий, дата хорошо читается. Я переворачиваю телефон, надеясь разглядеть цифры крупнее. Экран не поворачивается. Я увеличиваю снимок пальцами.

«Папа думал, что перевёл на следующий день, — пишет Аглая. — В чеке дата другая».

В ту дату Виталий звонил мне сам, в четверть шестого. На стене в клинике висели часы, я то и дело на них смотрела, пока ждала заключение. Он сказал, что уже за поворотом. Когда я села к нему, он накрыл мою ладонь своей, и я подумала, что уже почти не боюсь.

Завтра он сядет напротив Германа, если только опять не передумает. Виталий заговорит про заказчика, про зарплаты и про людей, хорошо знакомых нам обоим. Я даже могу представить, как он повернётся ко мне в нужном месте, потому что мы с ним много раз разговаривали за одним столом с людьми, которым требовалось объяснить наши решения. На этот раз я хочу сама спросить первой. И мне придётся запомнить всё, что он ответит.

Перевод сделан двадцать четвёртого сентября в семнадцать ноль три. За двенадцать минут до того, как Виталий позвонил мне в клинику.

Глава 8

«Что он сказал вашему отцу перед переводом?»

Пишу Аглае и добавляю число, хотя она только что сама прислала мне банковский чек. Мне нужно, чтобы она посмотрела на дату ещё раз. Чтобы не подумала, будто я спрашиваю про вчера или про день, когда Виталий переехал к ней.

Аглая читает сразу. Сначала отвечает «Про лечение». Следом присылает: «Он спешил. Я думала, что вы ещё у врача».

Меня так и тянет спросить, сколько раз они с Виталием обсуждали, где я и когда вернусь. В конце сентября я открывала нашу с ним переписку по три раза за час, всё проверяла, прочитал ли. Он прочитал. Кто бы мог подумать, что в это время мне стоило радоваться уже тому, что муж обещал приехать за мной лично.

Выбираю снимок, на котором видно время перевода. Тянусь переслать Виталию и останавливаюсь. Теперь он дождётся завтра. Я тоже.

На следующий день в «Пятой комнате» бумажные снеговики закрывают нижнюю половину окна. Прохожих видно по плечам, а за ближайшим сугробом мелькают только шапки. Я сижу так, чтобы наблюдать за дверью. В два часа у столика за моей спиной встанут и скажут, что садятся дру-

гие гости. Мы с Германом договорились на час, у нас есть ровно шестьдесят минут. Я попросила отдельные счета и теперь мысленно проверяю, хватит ли им всем времени хотя бы дойти до сути.

Герман приходит ровно в час. Входит первым, за ним Аглая с автомобильными ключами в руке. Когда я встаю, она останавливается, хотя между нами ещё два пустых столика. На ней длинное пальто без капюшона, в волосах тают мелкие капли. Я когда-то видела в машине Виталия её фотографию. Он сидел у светофора и показал мне женщину, которая «здорово помогла с одним знакомством». На той фотографии у неё была короткая стрижка. Сегодня волосы до подбородка, один конец она пригладила за ухо. По пути к нашему столу поправляет его снова.

— Виталия ещё нет? — спрашивает Герман.

— Вы первые.

Он снимает куртку, вешает на спинку, потом забирает у Аглаи ключи. Она машинально протягивает руку, будто он всегда берёт у неё то, что нужно куда-то положить. Герман пододвигает ей стул, и она садится с краю, прямо напротив меня.

— Вы в тот день были в клинике одни? — спрашивает она.

— Двадцать четвёртого сентября?

— Да. Он мне тогда не сразу сказал, что ещё не приехал.

— Да. Он приехал вечером.

Она зацепляет подушечкой пальца мятую бумажную сал-

фетку и разглаживает её. Герман берёт меню. Думаю, он услышал, но решил, что нам можно поговорить и без него, пока Виталий не подошёл. Аглая смотрит, как отец переворачивает страницу.

— Я бы не позвонила вам, если бы поверила, что он действительно к вам вернулся.

— А если бы поверили?

Я и сама не уверена, какого ответа хочу. Аглая в первый раз смотрит на меня прямо. У неё чуть надорвано основание одного ногтя, она водит по нему большим пальцем.

— Дождалась бы, пока скажет это мне в лицо.

— У вас ещё будет случай.

Аглая больше не берёт салфетку. Она открывает рот, и в этот момент я вижу Виталия. Он уже раздевается у двери и что-то говорит парню, который пришёл с ним почти одновременно. Парень обходит его, Виталий пропускает и оглядывается так весело, будто мы все собрались на чьё-то поздравление и уже приятно удивлены, что он пришёл.

— Спасибо, что вы меня дождались.

Он тянет стул к себе, садится рядом со мной. Я отодвигаю чашку подальше от его локтя. Чашка звякает о тарелку. Аглая опускает глаза на мою руку. Мне хочется спросить, отодвигала ли она для него чашку так же. Чашки, ножи, солонки. Двадцать два года вечно что-нибудь сдвигала, чтобы ему было куда деть локти.

— Вы с Эвелиной вчера обо всём поговорили? — спра-

шивает Герман.

— Поговорили, — отвечает Виталий. — Я приехал первым делом. Тут мы просто друг друга неправильно поняли. Я Эве не говорил, что буду возвращаться. Сказал, что на тридцать первое вернусь на Лесную. Чтобы с вами поговорить. И она, видимо, по-другому поняла.

Его локоть лежит совсем близко от моей руки. Я вцепляюсь в край сиденья. Если дёрнуть стул, он рванёт в проход и всем придётся на меня посмотреть. Этого мне как раз меньше всего хочется. Мне хочется, чтобы Виталий договорил и я смогла посмотреть на него при всех.

— Это ты сейчас объясняешь, зачем предложил встретиться у меня дома? Или почему Герман думает, что занимал на моё лечение?

Он вздыхает и двигает чашку, которую я уже отставила. На столе остаётся тёмное мокрое кольцо. Я прижимаю к нему салфетку, но поднять её уже не успеваю.

— Раз уж мы все здесь, давайте сперва решим, как я буду платить, — говорит Виталий. — Герман, вы приехали, потому что вам важен срок. Предлагаю начать с него.

Герман кивает. Из-под меню у него видна половина большого пальца, ноготь с белой царапиной по краю. Другой рукой он достаёт листок, сложенный вдвое, и кладёт посередине стола.

— До тридцать первого декабря, — говорит он. — Сегодня тридцать первое. Время есть до вечера. Вы, Виталий,

спрашивали ещё полгода. Эвелина как раз сказала, что эти деньги помогли вашим работникам. Мне и хотелось услышать от вас, какой срок нужен, если дело в фирме, а не в лечении.

Герман переворачивает лист. На обратной стороне карандашом написано число. Виталий подаётся вперёд, и я по этому движению понимаю, что он знает, какое. Раньше, если мы вместе решали, что отложить до зарплаты, он точно так же заглядывал в мой листок: хватит ли ему того, что я там насчитала.

— А если сегодня мы про сумму не договоримся? — спрашивает Виталий.

— Сумма известна. Пока я не знаю, зачем вы тогда сказали про клинику.

Виталий берётся за телефон. Аглая смотрит на него быстрее меня, будто ждёт, что сейчас он с экрана покажет то, что показывал ей. Я думала, что хуже всего будет услышать ещё одну версию про зарплаты. Теперь понимаю: хуже всего, если он снова заговорит так, будто меня тогда здесь вообще не было.

Виталий поворачивается ко мне. Вместо того чтобы сразу ответить, он немного ближе подтягивает стул. Под столом касается коленом моего колена. На секунду я забываю, куда мы пришли. Последний раз он так сделал на свадьбе у знакомых, когда мне начали рассказывать, как легко ездить вдвоём в отпуск в одном и том же месяце двадцать лет подряд.

Мы с Виталием в тот год сумели провести вместе четыре дня, потому что у него сорвался заказ, а у меня залило потолок над резальной машиной. Он ткнул меня коленом, и я успела не засмеяться.

Сейчас он ждёт от меня чего-то примерно такого же. Я отодвигаю ногу.

— Я сама скажу, — произношу я.

Он всё ещё смотрит близко. У него на воротнике волосок, короткий и светлый. Я могу снять его, если протяну руку.

— В клинике я была на обследовании. Мне сделали то, на что я записалась, и вечером я поехала домой. У меня не было лечения, за которое надо было платить вашими деньгами. Виталий это знал.

Виталий не перебивает. Герман берёт листок с середины стола и складывает ещё раз. Руки у него двигаются медленно, а губы сжаты. Аглая откладывает свою салфетку и заносит руку над плечом отца. Потом убирает, даже не коснувшись.

— По телефону я вам говорил, что вы мне ничего не должны, — говорит Герман. — Я вас услышал. Теперь хочу услышать его.

Виталий переводит взгляд на Германа, потом на его распечатку.

— Я могу вернуть часть в январе. Объясню, сколько.

Герман кладёт сложенный листок перед собой. Из-под него выступает уголок распечатки перевода.

— С суммой подождите. Эвелина говорит, что деньги

ушли на зарплаты. Тогда зачем вы просили Аглаю уговаривать меня помочь с лечением?

Глава 9

— Потому что он знал, что я могу тебя уговорить, — отвечает Аглая.

Герман поворачивается к ней. Виталий наконец отодвигает от меня свой стул.

— Ты мне сказала, что это касается её, а не фирмы.

— Утром речь была про фирму. Я сказала, что тогда лучше и не просить, ты ему ещё летом отказал. А потом он написал про клинику.

Я смотрю на неё и потихоньку перестаю узнавать ту женщину с лестницы. Та так уверенно придерживала дверь, чтобы Виталий не задел косяк моим чемоданом. А сейчас даже не успевает договорить, потому что отец кладёт руку на край её тарелки и она машинально придерживает её с другой стороны.

— А вы ему поверили? — спрашиваю я.

Аглая оставляет тарелку в покое.

— Поверила. Думала, он позвонил мне, потому что ему больше некому позвонить.

Мне хочется ответить, что у него был мой номер. Уже почти говорю это, и тут представляю, как Виталий звонит мне в клинику, где я жду бумагу, и просит занять полмиллиона. Я бы даже ложь про болезнь ему простила, если бы он объяснил, зачем они так срочно нужны. Я бы нашла, кого спро-

сить. Два раза моргнула бы, прошла по коридору к окну и начала выяснять, какую сумму можно собрать до вечера.

— И тогда вы сказали отцу, что дело во мне.

— Да. Я сказала, что, если у него есть возможность, надо помочь. — Аглая смотрит на Виталия. — А потом он позвонил тебе сам. Уже без меня.

— И сказал, что вечером разберётся с больницей, — отвечает Герман. — Я поэтому и не стал просить денег в ноябре, когда они могли мне пригодиться. Думал, человеку надо прийти в себя.

Виталий кивает, словно ему объяснили, почему наш заказ однажды задержали на полчаса. Даже осторожно улыбается, надеясь, что это ещё можно принять за благодарность.

— Я это помню. И ценю, что вы меня тогда выручили.

— Меня сейчас больше интересует, почему Аглая до сих пор думала, что ваша жена лечится.

Виталий раскрывает ладони на столе. Кожа у большого пальца справа стянута тонким шрамом. Он порезался об угол железного листа, когда я держала дверь на складе. Никого больше тогда рядом не было. Я промывала ему руку в раковине у охраны, а он всё спрашивал, далеко ли уехал водитель, которого мы ждали.

— Не было у меня другого выхода, — говорит он. — Представьте, сколько людей там сидело и ждало денег. Мне бы неделя ещё, и с ними уже можно было бы не разговаривать. Аглая, я тебе тогда не стал про это говорить. Мне надо

было решить вопрос быстро.

У Германа еле заметно дёргается подбородок. Он наклоняется, достаёт из кармана очки. Даже не надевает их, а кладёт рядом с листком. Я смотрю на свою мокрую салфетку. По ней теперь можно отследить, куда я поставила чашку, когда Виталий сел рядом.

— Ты мог сказать мне, — говорю я.

— Ты сидела в больнице.

— И решила, что позвоню тебе, как только смогу.

— Ну вот и я решил, что приеду за тобой.

Я хочу возразить. Он действительно приехал. Когда я спустилась, он даже подался через пассажирское сиденье, придержал дверь, чтобы я не потянулась за ручкой. Я вспомнила, как рассказывала об этом подруге, которая звонила узнать результаты. Сказала, что всё хорошо, Виталий со мной. Она не спросила, всю ли дорогу мы ехали молча. Ей этого знать не требовалось, она сама понимала.

И тут Виталий продолжает:

— Мне тогда было всё равно, как я найду эти деньги. Я хотя бы вечером приехал и с тобой побыл. А ты сейчас рассуждаешь так, будто я вообще всё на тебя бросил.

У меня рука под столом, я принялась растягивать резинку от перчатки. Она срывается с пальца и щёлкает по запястью. Виталий смотрит вниз. Я убираю перчатку в карман и впервые за эту встречу вижу, что он по-настоящему ждёт ответа. Ему нужно, чтобы я сказала: да, я помню, как ты приехал.

— А когда ты попросил меня вчера про деньги солгать, ты тоже меня выручал?

Он отодвигает стул. Я смотрю на его плечо, пока он медленно поворачивается ко мне всем корпусом.

— Я просил помочь. Я не знал, что вы уже поговорили.

— В том и расчёт был, что мы с Германом сначала поговорим при тебе?

— Эва, не надо так.

Он почти шепчет. Я уже собиралась понизить голос следом. Смотрю на Аглаю. Она сидит прямо и глядит на отца, словно больше никого в кафе нет.

— Не надо, — соглашаюсь я. — Дальше вы сами.

Муж приподнимается, освобождая мне проход. Встал бы раньше на полсекунды, я бы даже не задела его плечом. Оба оказываемся слишком близко. У Виталия из-за воротника выглядывает край старой клетчатой рубашки. Мы с ним выбирали её под пиджак, карманы тогда пришлось отпороть, чтобы не топорщились. На одной стороне клетки чуть сбиты, я до сих пор знаю на какой.

— Ты сейчас серьёзно уйдёшь? — спрашивает он.

— Да.

Он открывает рот. Герман стучит ручкой по столу.

— Сядьте, Виталий. Вы собирались объяснить, сколько вернёте в январе.

Мне ещё нужно пройти мимо стойки. Девушка, которая нас рассаживала, вяжет к ручке пакета серебряную ленту. Я

жду, пока она затянет узел, и прошу счёт за кофе. Она показывает терминал и говорит, что я ничего не должна, кто-то из моих знакомых уже оплатил все напитки. Я поворачиваюсь к столу. Герман раскрыл листок и, кажется, приготовился записывать. Виталий наклонён к нему и ищет что-то в телефоне. Аглаи за столом уже нет.

Я благодарю девушку. Выхожу и становлюсь возле ограды, чтобы застегнуть пальто. На улице ветер, из выемки между плитами по асфальту бежит мелкая снежная пыль. У перил стоит мужчина с охапкой еловых веток, ждёт, пока жена подгонит машину. Пропускаю его к дороге. Думаю, что сегодня у меня ещё есть семь часов до площади, а там меня ждут к конкретному времени. Мне можно делать всё, что захочу до этих девяти пятнадцати. Я не могу вспомнить, зачем вообще пришла сюда в светлом пальто, которое так не хотела надевать дома. Теперь главное дойти до машины и не поскользнуться.

— Эвелина, подождите!

Аглая выходит, держа своё пальто на согнутой руке. Бежит через три ступеньки мелкими шагами. Без пальто она выглядит моложе, чем за столом. На рукаве малиновая ниточка, зацепившаяся за дырку в вязаном свитере. Аглая останавливается и не пытается её оторвать. В первую очередь, вижу, смотрит на мои руки, словно хочетубедиться, что я успела застегнуться.

— Если вы про кофе, мне сказали, что всё оплачено.

— Я за вами выбежала не из-за кофе. — Она переводит дыхание. — Я и правда думала, что вам тогда срочно нужны деньги.

— Настолько нужны, что вы сами пошли просить отца?

Она приподнимает подбородок. Я вдруг вижу, как мы стоим у входа в кафе с одинаковой привычкой говорить больное достаточно тихо, чтобы и через два шага никто не услышал.

— Да. И мне легче было поверить про лечение, чем потом про то, что он к вам вернулся. Поэтому я и позвонила.

Аглая перестаёт перебирать ворот пальто. Так и стоит, перебросив его через руку.

— А почему тогда вы решили, что мне срочно нужно лечение?

Она делает полшага ко мне. Так близко мы до этого ещё не стояли. Можно было бы отступить, и я уже переношу вес на правую ногу. Остаюсь на месте.

— Он прислал мне ваш голос. Сказал, вы сами разрешили дать папе послушать.

Глава 10

— Как он вам это объяснил? Прямо сказал, что я разрешила?

Аглая продевает руки в рукава и кивает. Пуговица застревает на полпути, она машет рукой и оставляет пальто расстёгнутым.

— Он мне голосовое переслал. Вы там просили его подъехать за поворот. Переписка у меня должна остаться.

Я пытаюсь вспомнить, говорила ли я это. Скорее всего, говорила. Виталий не любил втискиваться между машинами у входа, весь год ворчал, что даже таксисту туда сунуться будет трудно. В тот раз я вышла и увидела его как раз за поворотом. И ещё помню, как шла мимо последнего фонаря и проверяла, не заснула ли нога от того, что я целый час просидела в коридоре.

— А что ещё я говорила? — спрашиваю я.

— Вы ещё сказали, что девушка за бумагой ушла. Мне потом Виталий написал, что вечером сам за вами приедет.

Через стекло видно Германа. Он передвигает свой лист к Виталию и показывает, где нужно написать сумму. На моём месте стоит недопитый кофе.

— Сейчас не присылайте, — говорю я.

— Чтобы вы думали, что я тоже всё придумала?

— Если я захочу узнать, спрошу ещё раз.

Аглая берётся за воротник и отпускает. Ветер сразу отбрасывает полу пальто. Она ещё хочет что-то сказать, я вижу это по её лицу. Отступаю на ступеньку, пропускаю людей, которые поднимаются с улицы. Теперь могу уйти, не протискиваясь мимо неё. Так и делаю.

Дома я вижу щель в подкладке сумки. Откуда она взялась, я не знаю. Туда провалились ручка, две монеты и запасная застёжка для серёг. Я вытрясаю всё это на стол. Монеты скачут в разные стороны, одна останавливается у края. Я её не ловлю. Могу сейчас взять телефон, открыть переписку с Виталием, догнать нужное число и посмотреть, что мы говорили друг другу. Мне даже не нужно вставать из-за стола.

Вынимаю из ящика нитки и берусь за подкладку. Дважды пришиваю её к самому краю кармана, дважды распарываю. Когда наконец откусываю нитку, замечаю, что просидела в пальто все эти полчаса. Вот и можно открывать переписку, ничего мне больше не мешает. Убираю телефон в зашитую сумку, подальше от рук.

Жакет дважды снимаю с вешалки и опять вешаю. В конце концов надеваю шерстяное платье и любимые серьги. В половине девятого во дворе сигналит машина. Я подхожу к окну быстрее, чем успеваю вспомнить, что у нас встреча на площади, и вижу соседа. Он приехал за дочерью. Она выходит в белой шапке, отец открывает ей дверь с другой стороны, и оба долго спорят, куда деть торт.

Мне вдруг становится так жалко себя, что я готова от-

править Тарасу любое враньё. Будто у меня семейный ужин. Будто я уже дома с тем, кого люблю, и посреди праздника поняла, что забыла ему об этом сказать. Я надеваю пальто, зашитую сумку убираю под руку и выхожу, так и не достав телефон.

Тарас стоит под часами в чёрной шапке и держит два зубчатых стаканчика. Над одним из них клубится пар. До закрытия площади ещё долго, на сцене пока проверяют звук. Каждый раз, когда берут бас, бумага под его пальцами чуть дрожит.

— На пять минут раньше, — говорю я, подойдя.

— По моим часам ровно.

Он отдаёт мне стаканчик, который ещё не открыл. Из отверстия в крышке тянет корицей. Обхватываю стаканчик обеими руками.

— Может, я не люблю корицу.

— Тогда мне придётся выпить ваш и угадать, где корицы меньше.

Оба с корицей, выясняется, когда он поднимает крышку. Мне кажется, он в этом не сомневался с самого начала. Он пьёт слишком горячий морс, раздражённо смотрит в стакан и снова надевает крышку. Мне нравится, что этот человек заранее купил нам морс и сначала об него обжёгся, а потом ничего не стал объяснять продавцу.

На площадку выпускают людей из пешеходного перехода. Мы поворачиваем в сторону сквера, там уже не приходится

толкаться. Тарас отходит на полшага, пропускает людей. Я сама придвигаюсь обратно и ловлю его взгляд.

— Что?

— Вы собирались мне что-нибудь показать или мы просто идём куда идётся?

— Хотел показать, как у них вдоль набережной фонари зажгли. Я мимо пять раз проехал, а пешком не дошёл. Думал, всё равно быстро замёрзну.

— Со мной вы замёрзнете ещё быстрее. У меня шаг короче.

— Это вы зря. До часов шли очень быстро.

— А вы стояли под часами и смотрели, как я иду?

— Да.

Он говорит это легко и даже не отворачивается. Я вижу, что у шапки на самом затылке загнулся край. Рассматриваю его достаточно долго, чтобы он потянулся рукой сзади и поправил ровно то место, на которое я смотрю.

На набережной сильнее ветер. Тарас ставит локоть мне под руку в том месте, где стёрли снег и остался лёд. Я успеваю зацепиться за рукав. Мы доходим так до ступенек к нижнему берегу и останавливаемся. У человека на противоположной стороне удочка торчит высоко над перилами, чтобы не зацепить фонарь. Больше всего мне хочется узнать, к кому этот человек сегодня пойдёт с пустым ведром. Я наверняка думаю о чём угодно, лишь бы не спрашивать, кого за столом поздравлял Тарас.

— А как ваши? — всё-таки говорю я.

— У сестры двое сыновей, оба уже с семьями. В этот раз спрашивали её, когда мы успели раздать все игрушки с нашей старой ёлки. Мы с ней сговорились и сказали, что они сами забрали. На самом деле коробка у меня на антресоли.

— И зачем вы соврали?

— Сестра попросила. В стеклянном шаре дырка, я сделал её в детстве. Мне нравится смотреть, как племянники стараются с двух сторон его прикрыть, чтобы я не заметил. Пусть ещё один год постоит у меня.

У самой лестницы нас догоняет мужчина с красным пакетом и спрашивает, не видели ли мы собаку. Он называет кличку и тут же затихает, потому что из-за ограды на том конце дорожки высовывается собачья морда. Пока мужчина бежит, Тарас переставляет наши стаканчики с перил по одному, чтобы они не полетели следом. Кладёт ладонь сверху на обе крышки и говорит:

— Я вам уже всех своих пересчитал, — говорит он. — А вы с кем обычно Новый год встречаете?

— С мужем. До этого года.

Тарас перестаёт пить и ждёт.

Я перехватываю свой стаканчик обеими руками. Надо бы всего два слова сказать, а приходится сперва вдохнуть.

— У меня сегодня был разговор с мужем, — говорю я. — Мы разводимся. Он уже два месяца живёт отдельно и думает, что может по старой памяти назначать встречи у меня дома.

Сегодня я сказала, что не сможет. Видимо, поэтому самой себе ещё не верю, что вышла на свидание.

Тарас кивает. Смотрит на реку, потом снова на меня.

— Думал, позвоните, — говорит он наконец. — Если бы не позвонили, всё равно бы пришёл к часам. Минут на десять, как договаривались.

— А если бы опять не пришла?

— Поехал бы домой. Стулья, правда, уже успел приготовить.

Я смотрю на него. Пока шла к площади, казалось, что он сейчас спросит, кто у меня звонил, почему я не могу решить, встречаюсь я с ним или нет, и что это вообще за мужчина, которому я всё ещё даю собой командовать. Тарас только забирает у меня начинающий остывать стаканчик, чтобы руки не были заняты, если захочу натянуть перчатки. Я вместо этого беру его за рукав.

— Какие стулья, Осокин?

— Два. Там видно салют, и никто не требует заказывать ещё по одному морсу, если не хотите уходить.

— Тогда хорошо, что пришли. До полуночи час с небольшим. Останетесь со мной?

Со сцены доносится только глухой бас. Люди поднимаются к площади. Лет десять назад я ждала бы такого вопроса от Виталия. Он бросил бы машину во дворе, а я ответила бы, что уже накрыла на стол. Сегодня у меня дома на столе две монеты и обрезок нитки. В половине девятого я ещё стояла

у окна и думала, что отменю встречу. Хорошо, что не отменила.

— Да, — говорю я. — Хочу.

Мы поднимаемся к площади, долго ищем, где сдавать стаканчики, и в конце концов сдаём оба одному и тому же мальчику в жёлтой жилетке. После одиннадцати едем по пустым улицам до второго берега. Там у Тараса одна из мастерских, закрытая с обеда. Рабочий пропуск приоткрывает гаражные ворота. Я держу их, пока он из помещения тащит два складных стула. Мы их не раскладываем. Ставим к кирпичной стене и остаёмся стоять выше парковки. Отсюда видна площадь целиком, а нас почти никто не видит.

Тарас включает на телефоне время. Я вижу, как секунды меняются на экране, а он, оказывается, смотрит на меня и ждёт, когда я тоже подниму глаза. Телефон гаснет у него в руке. Над рекой белым рассыпается первый залп. Я не сразу слышу следом удары. Стою к нему ближе, чем на льду у ступенек, и думаю, что могу спокойно простоять так ещё десять минут.

— С Новым годом, — говорит Тарас.

— С Новым годом.

У него на щеке тает снежинка. Тянусь её снять. Он не двигается. Мне так просто потрогать его лицо, я с удивлением понимаю, что всё ещё могла бы ничего больше не сделать.

— В следующий раз я всё-таки найду место, где можно сесть, — говорит он.

Я целую его первая. Он успевает придержать меня за локоть, потом отпускает руку и подаётся ближе. Когда я отстраняюсь, машинально проверяю, не расстегнулась ли серьга.

— Я еду смотреть новый цех, — говорю я, пока ещё стою вплотную к нему. — Если договоримся, перееду. Вы после этого всё равно захотите увидеться?

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.